

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Призрак
из страшного сна

Детективы о женщине-цунами

Анна Ольховская

Призрак из страшного сна

«Соболева Анна Николаевна»

2013

Ольховская А.

Призрак из страшного сна / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2013 — (Детективы о женщине-цунами)

ISBN 978-5-699-68237-9

Неспокойно в Империи «Мыльного короля» Венцеслава Кульчицкого: бывшая жена Магдалена с также бывшим сыном Гизмо объединились с врагами бизнесмена. Ему готовят такие неприятности, что приходится обороняться от недоброжелателей с помощью профессиональных экстрасенсов. Настоящий родной сын Венцеслава Павел, похищенный неизвестными, приходит в себя в больничной палате, больше всего похожей на подземный бункер, и понимает: он абсолютно ничего не помнит из прошлой жизни. Но новые знакомые, занимающие высокие властные посты, сообщают ему всю «правду» и предлагают, используя уникальные паранормальные способности Павла... напасть на Венцеслава...

ISBN 978-5-699-68237-9

© Ольховская А., 2013

© Соболева Анна Николаевна, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Ольховская

Призрак из страшного сна

Пролог

Каталка, подпрыгивая на неровностях пола... Впрочем, пола – это громко сказано. Откуда в заброшенной соляной шахте пол? Так, всего лишь нижняя часть выдолбленного в горе тоннеля, неровная и каменистая.

Да и тоннелем этот узкий извилистый лаз тоже нельзя было назвать, он больше походил на крысиную нору. Или на змеиную...

Во всяком случае, женщина, везшая каталку, ассоциировалась именно со змеей: высокая, тонкая, какая-то извилистая, что ли. Длинные тонкие руки, такие же ноги, вытянутое тело, гибкие движения.

Гибкие и сильные движения. Потому что каталку женщина толкала с довольно-таки приличной скоростью, и это учитывая не только камни и рытвины нижней части тоннеля, но и вес лежавшего на каталке мужчины. Высокого, сильного молодого мужчины.

А ведь еще и приходилось пригибаться – свод тоннеля был слишком низким для возницы.

Ну, и «вишенка на торте» – полное отсутствие света. Это только в кино подземелья почему-то всегда освещены каким-то голубоватым сиянием. А на самом деле – если нет ни фонаря, ни хотя бы спичек – там, внизу, вальяжно раскинула черные крылья абсолютная тьма.

Но эта тьма совершенно не мешала женщине ориентироваться. Словно она обладала эхолотом или что там еще есть у тех же летучих мышей. Стоп! Мы ведь уже приняли априори, что дамочка у нас похожа на рептилию, а не на грызуна.

В общем, возница ориентировалась в крошечной темноте довольно-таки свободно. Во всяком случае, каталка ни разу не врезалась в стену и продолжала ехать в никуда с приличной скоростью.

А вот когда лежавший на каталке мужчина с трудом приоткрыл глаза, он ничего не увидел. На него лениво таранился абсолютный мрак.

И первая – как обычно, самая дурацкая – мысль, заглянувшая в его помутневший от потери крови разум, была: «Кажется, я все-таки умер».

Но весьма болезненный толчок в спину от подпрыгнувшей на очередном камне каталки мгновенно выбил это предположение из головы мужчины, и оно, прощально всхлипнув, «влепилось» в стену тоннеля.

Мертвые ведь боли не чувствуют. И запаха тоже. Тяжелого, густого запаха крови. Кажется, его собственной крови – рубашка на груди была липкой и влажной. И во рту тоже была кровь.

Но... почему, как, откуда?.. Что с ним произошло? Где он находится? Почему вокруг так темно? Единственное, что он понял, – его сейчас куда-то везут. Причем в полной темноте и, судя по спертости и тяжести воздуха, – под землей.

Он попытался что-то вспомнить – не получилось. В голове вязко пульсировала багровая мешанина, в которой мелькали искаженные, словно в кривом зеркале, лица. Чьи – он не помнил.

Он вообще ничего не помнил! Даже собственного имени...

Ощущение было прегнусное.

Мужчина глухо застонал и попытался приподняться, но в груди его словно бомба взорвалась, а в следующее мгновение на разум накатило цунами жуткой боли, мгновенно отправив его, разум, обратно в нокаут.

И последнее, что услышал мужчина, был странный, какой-то шипящий женский голос:
– Не дергайся! Теперь ты наш!

Часть I

Глава 1

Ровный гул вертолетного двигателя не позволял нормально общаться. Приходилось напрягать связки, чтобы докричаться до собеседника. Или склоняться к нему близко-близко, касаясь губами уха...

Но орать никому не хотелось.

Потому что и общаться не хотелось. Все уже было выкричано и выплакано там, в холле новенькой, только собиравшейся принять первых пациентов спелеолечебницы, где мы прятались сами и прятали раненого Павла.

И где истекавший кровью Павел спас нас всех. А мы его тупо прошляпили...

В итоге бой мы не выиграли. И не проиграли. Те змееподобные уроды не смогли забрать меня и Монику, зато они сперли Павла. Прямо у нас из-под носа.

Я смотрела в круглое окошко-иллюминатор, привалившись плечом здоровой руки к борту вертолета. И даже легкая вибрация стен, несколько болезненно отдававшаяся в раненой руке, не могла выдернуть меня из болота уныния.

Потому что так нечестно! Пашка, он... ему и так пришлось нелегко, с самого рождения он был изгоем, прятался от людей в пещере, чтобы не пугать их своим внешним видом. И едва парень обрел семью и даже любовь, как его сперли какие-то уроды, возомнившие себя его родней!

А Пашка – не змей, он человек! Он – Павел Венцеславович Кульчицкий, единственный сын и наследник Венцеслава Тадеушевича Кульчицкого, владельца химического концерна «Аврора», выпускающего стиральные порошки, шампуни, мыло и прочую стирально-моющую продукцию.

Но стать наследником по документам Пашка так и не успел...

И пока что сыном Кульчицкого считается Сигизмунд, он же – Гизмо, красавчик внешне и редкостная гнида внутри. Гизмо сейчас заперт в СИЗО, и мы с Моникой после исчезновения Павла – единственные свидетели обвинения против Гизмо.

Нет, надо по порядку...

Меня зовут Варя, Варвара Ярцева. Мне двадцать девять лет, я – практикующий психолог. У меня свой кабинет в одном из медицинских центров Москвы. Но появился этот кабинет всего-то с полгода назад, и то благодаря деньгам и протекции Мартина Пименова, олигарха и по совместительству одного из самых завидных женихов отечественного (и не только) брачного рынка.

Года полтора тому назад Мартин, умный, жесткий, хладнокровный человек, поднявшийся на вершину не просто от подножия – из провала у подножия, воплощение американской (а теперь и российской) мечты, умудрился попасться на удочку Степана Кругликова и заключить совершенно идиотское пари. Проиграв его, Мартин должен был жениться на дочери Кругликова, общемосковской давалке, совершенно жуткой девице с претенциозным именем Альбина.

Выбраться из этой западни Мартину помогли мы с Олегом¹, моим сводным братом. И на деньги, полученные в качестве вознаграждения, мы построили загородный дом для родителей, а я смогла осуществить свою давнишнюю мечту – открыть собственный кабинет.

¹ Читайте роман Анны Ольховской «Давай не поженимся!», издательство ЭКСМО.

В чем мне и помог Пименов, ставший за время знакомства почти членом нашей семьи – Мартин, у которого отец по пьяни убил мать, был лишен нормального детства и не знал, что такое семейное тепло.

Потому он и стал таким – холодным, словно замерзшим изнутри.

А у нас он оттаивал. И с удовольствием менял светские рауты на наши семейные праздники. Мартин и Олег стали друзьями, а ко мне Пименов относился как к сестренке.

Что меня совсем не радовало...

Потому что я, как распоследняя курица, буквально влипла в ледяную голубизну глаз этого высокого, худощавого, не самого красивого, но для меня – единственного мужчины.

Но я отвлеклась.

В общем, этой весной мы отпраздновали новоселье. И даже упорные слухи, ходившие среди местного населения, мы отправляли «в обход» нашего двора.

Ну в самом деле – вы бы поверили в байки о Змее Горыныче, похищающем молодых девушек и пугающем старушек? Местные уже опасались в лес ходить поодиночке, за грибами и ягодами отправлялись кучненько.

И это – в начале двадцать первого века! Когда космические корабли уже избороздили просторы Вселенной!

Ну да, один печальный инцидент был – прошлым летом, еще до того, как мы купили участок в деревне, там бесследно исчезли две девушки. Ася, племянница одной из местных жительниц, и ее подружка, дочь банкира Моника Климко². Игорь Дмитриевич, отец Моника, тогда перевернул здесь все и всех. Сотрудники его службы безопасности прочесали весь лес в округе, обшарили каждый камушек на дне озера, с пляжа которого пропали девушки, но результата это не принесло.

Даже с учетом того, что людям Климко активно помогали профи из службы безопасности Венцеслава Кульчицкого, которыми руководил Александр Дворкин, бывший агент израильского «Моссада».

Почему помогали?

Ну, прежде всего потому, что озеро, откуда пропали Моника и Ася, находилось в непосредственной близости от поместья Кульчицких. В зоне, так сказать, служебных интересов Дворкина. К тому же Кульчицкие в свое время активно сватали за своего сына, красавчика Сигизмунда, одного из любимчиков гламурной московской тусовки, дочку банкира Моника.

Сочли девушку достойной их сокровища. Еще бы – красивая, умничка, хорошо учится в университете, скромница, по ночным клубам не шляется, по вечерам у компьютера сидит.

Но сватовство не удалось – Моника категорически отказалась встречаться с Гизмо. Оказалось, что девчонка влюбилась в виртуального персонажа, скрывавшегося под ником Арлекино. Причем Моника даже не знала, как выглядит внешне ее любимый – вместо фото в Интернете была картинка балаганного арлекина.

Но девушке было все равно, как он выглядит, – ее Арлекино был самым добрым, самым чутким, самым романтичным, нежным, сильным, любящим – самым-самым-самым!

Понятно, что родители сочли все это бредом и отлучили дочь от Интернета. Моника рассорилась с родителями и укатила с подружкой Асей в деревню, куда обычно никогда не ездила. Какая еще деревня, когда есть Мальдивы, Ницца, Бали?

Укатила. И пропала.

И поиски результатов не принесли.

Пока ко мне на прием не пришла мать Моника, Элеонора. Измученная, потухшая женщина, один сплошной комок душевной боли.

² Читайте роман Анны Ольховской «Драконовское наслаждение», издательство ЭКСМО.

Мне пришлось много повозиться с Элеонорой, прежде чем она смогла открыться и рассказать мне всю эту историю. И я решила попытаться помочь женщине.

И я разыскала в Интернете пресловутого Арлекино. Мне показалось, что он ничего не знал об исчезновении Моники, думал, что девушка просто его бросила, предпочла реального красавчика Гизмо виртуальному незнакомцу.

Арлекино тогда резко оборвал разговор со мной и вышел из Сети.

А буквально через пару дней в озере нашли жутко изуродованный труп Аси... Причем, по заключению экспертизы, умерла девушка относительно недавно. Сердце не выдержало боли и страха. Да и кормили бедняжку явно не разносоломи.

То есть получалось – Ася где-то провела почти год! Год жутких мучений, издевательств, пыток...

И вполне возможно, что Моника еще жива!

Но сообщать об этом родителям девушки мы не стали – зачем понапрасну их тревожить, Элеонора и так едва-едва выкарабкалась из бездны отчаяния.

А потом меня привели к Монике. Именно привели – словно кто-то звал меня, указывая путь. И торопил – быстрее, быстрее!

Моника была жива. Тоже измучена, те же жуткие раны, словно ее грыз какой-то дикий зверь, но – жива!

И понеслось!

В итоге я оказалась в подземелье, где едва не испытала на себе все, что пришлось пережить пленницам Гизмо.

Да, девушек похищал и глумился над ними Сигизмунд Кульчицкий, белокурый голубоглазый красавец, и так не обделенный женским вниманием.

Но мерзавцу мало было внимания и обычного секса, Гизмо хотел быть Господином! И делать со своими игрушками все, что ему заблагорассудится...

Душка Гизмо придумал гениальный, на его взгляд, ход. Он слышал местные байки о Змее Горыныче, которого периодически видели в окрестных лесах. И решил воспользоваться этими слухами.

Раздобыл где-то резиновый наряд дракона, натягивал его на себя и в таком виде шлялся по лесам в поисках добычи. И девушки действительно начали пропадать...

И так продолжалось бы неизвестно сколько времени, не найди я Арлекино...

Того, кто и стал причиной слухов и баек.

Настоящего Змея Горыныча.

Глава 2

Венцеслав Кульчицкий был просто помешан на чистоте рода. В его семье это помешательство передавалось из поколения в поколение: Кульчицкие никогда не женились и не выходили замуж за простолюдинов, только чистокровные наследники аристократов были достойны носить гордое имя Кульчицких!

Само собой, никаких бастардов от деревенских девок и актрис!

Если не хватало претендентов из других родов, брачные союзы заключались с кузинами и кузенами. Чистота крови – прежде всего!

И даже к концу двадцатого века, когда последний из рода Кульчицких, Венцеслав, собрался жениться, он желал невозможного по тем временам – найти чистокровную представительницу любого, пусть и захудалого, но обязательно аристократического рода, да еще и девственницу!

Фантазер, в общем.

Но на тот момент его службой безопасности уже руководил Александр Дворкин, бывший агент «Моссада». И хотя поиск невесты не входил в круг обязанностей Дворкина, он согласился помочь хозяину.

Надо отметить, что более преданного и верного человека, чем Александр, я не встречала среди секьюрити. Может, потому, что вообще мало общалась с представителями этой профессии?

И Дворкин сумел сделать невозможное возможным задолго до того, как Дима Билан объявил о своем сакральном знании этого процесса.

Невеста для хозяина была найдена. Магдалена Расмуссен, потомок конунгов, представительница старинного норвежского рода. Причем так же помешанная на чистоте крови, как и Венцеслав.

Именно поэтому рыжеволосая белокожая Магда, продавщица из небольшого городка на севере Норвегии, к своим двадцати восьми годам была еще не замужем. И вообще не подпускала к себе местных мужланов, хотя была довольно симпатичной. Не красавица – внешность ее немного портили длинноватый нос и тяжелая челюсть. Но в целом Магдалена нравилась мужчинам.

Понравилась она и Венцеславу. Прежде всего, разумеется, происхождением – тут уж Дворкин постарался, проверил все чуть ли не до Харальда Жестокого, Победителя Драконов, пращура Магдалены. Ну, и тем понравилась, что Магдалена была единомышленницей жениха.

Вскоре Магда забеременела. К появлению на свет наследника Венцеслав готовился очень серьезно. Никаких поездок к врачу в город: для Магды был нанят профессор медицины, один из лучших специалистов в области акушерства и гинекологии Иосиф Львович Либман.

Иосиф Львович давно уже не вел лично беременность пациенток, но сумма, предложенная ему Кульчицким, убедила Либмана пересмотреть свое решение. И господин профессор через день мотался в поместье Кульчицких – благо расположено оно было всего в сорока километрах от Москвы – для осмотра и консультации подопечной.

Магда питалась исключительно свежими и экологически чистыми продуктами, выращенными жителями их деревни. Именно их, личной – в свое время Венцеслав перевез из Сибири целую деревню староверов, притесняемых местной властью, построил им дома, купил скотину, позволил молиться так, как им хочется, защищал и оберегал их от козней и неприятностей внешнего мира. Военкомата, к примеру.

И крестьяне платили барину верностью и благодарностью.

А еще – полностью снабжали замок барина (именно замок, Кульчицкий выстроил точную копию родового замка, стоявшего когда-то в Польше) молоком, хлебом, мясом, овощами и фруктами.

В общем, проблем с чистыми продуктами не было. Магда много гуляла, занималась гимнастикой, принимала специальные швейцарские витамины, способствующие, если верить производителям, повышению уровня интеллекта у будущего ребенка.

Профессор, осматривая пациентку, был доволен – ребенок рос и развивался превосходно, все точно по часам. Жаль, конечно, что Магда отказывается от УЗИ и анализов крови на предмет каких-либо уродств, но, в принципе, все и так хорошо.

Роды начались точно в срок. Родила Магдалена довольно быстро и легко.

Родился мальчик, крепкий, здоровый мальчик. Закричал – требовательно и громко. Женщина попросила показать его ей. Но профессор почему-то медлил.

Магда возмутилась и потребовала показать ей сына.

И профессор показал...

Женщина, увидев ЭТО, дико закричала и потеряла сознание. А когда очнулась, рядом с ней лежал чудесный красивый мальчик, голубоглазый ангелочек.

Родившийся практически одновременно с хозяйским сын Марфы Лобовой, девки из деревни, взятой в замок в качестве кормилицы.

Марфа не хотела жить в деревне, доить коров, жать серпом, как и сто, и двести лет тому назад, пшеницу, быть послушной рабыней мужа. Умная и способная девочка хотела учиться, а у них в деревне детей не учили ничему, кроме «хозяйства».

В общем, Марфа сбежала в Москву. А через год вернулась брюхатой. Позор семье! Кто такую замуж возьмет! Принесла в подоле невесть от кого, шалава!

Робкие попытки рассказать, что она не виновата, что ее изнасиловал какой-то гад, никто не принимал всерьез. И девушка стала изгоем в деревне.

Дворкин, проезжая как-то через село, стал свидетелем неприятной сцены – местные ребятишки, собравшись гурьбой, швыряли камнями в глубоко беременную молодую женщину, и их никто не останавливал!

По лицу бедняжки текла кровь, губа ее была разбита. Девушка не пыталась наказать негодников, она лишь тихо плакала и руками закрывала живот.

Александр тогда остановил машину, выскочил и разогнал мелких. Отругал старших. Усадил в джип заплаканную Марфу и отвез ее в замок. Там она пришлось очень даже кстати – рожать ей надо было почти тогда же, когда и барыне, молока, судя по всему, у девки будет хоть залейся, и Магде не придется портить грудь. Пусть остается, кормилицей станет!

Надо ли говорить, что Марфа сразу и навсегда стала самой верной служанкой барыни Магды? И готова была ради барыни на все.

Даже на то, чтобы отдать ей своего сына...

Взамен страшненького уродца, рожденного хозяйкой. Больше похожего на ящерицу – ни ушек, ни (тогда) носика, глазки-щелочки, рот – безгубый, да еще и все тельце чешуйками покрыто!

Когда бледный как смерть хозяйский доктор прибежал к ней в каморку, держа на руках уродца, Марфа как раз отдыхала после родов. Она справилась сама, без чьей-либо помощи, у них все бабы в роду сами рожали.

Мальчишечка родился крепенький и хорошенький, и Марфа, приходя в себя, с нежностью смотрела, как тот чмокает маленьким ротиком, жадно вцепившись в ее сосок.

И тут примчался Либман. Увидел мальчишку – и буквально расцвел.

А потом в двух словах объяснил Марфе диспозицию. Она, Марфа, ведь хочет помочь барыне? Той, что спасла ее от унижений и издевательств, благодаря которой к Марфе теперь относятся на селе даже с уважением – еще бы, нянька и кормилица наследника!

Марфа хотела, но не могла понять – как?

И доктор объяснил – как. Ее, Марфы, сын станет наследником Кульчицких. Он со временем получит все состояние, станет богатым и уважаемым человеком. А сама Марфа будет при нем – как нянька и кормилица. Поди плохо? И при сынишке жить, и знать, что ее мальчик обеспечен на всю жизнь. А что ждет парня в том случае, если он останется сыном Марфы? Его ведь так и будут звать приبلудышем. И относиться к нему с презрением.

– Ну, что ты решила, Марфа? – доктор нетерпеливо посматривал на белокурого ангелочка. – Времени у нас нет, там барин к жене рвется, на наследника хочет посмотреть.

– А как же... – женщина посмотрела на копошившегося в пеленках уродца. – Что с этим делать? Мне, что ли, его за своего выдать?! Это ж еще больше меня все шпынять будут!

– Этот – не жилец, – поморщился профессор. – У него ихтиоз...

– Чего?

– Синдром Арлекино... Тьфу ты, с кем я говорю! Короче, редкая болезнь у парня, дети с такой генетикой долго не живут. Так что всем будет лучше, если ты его отнесешь куда-нибудь в лес и закопаешь.

– Живого?!

– Да помрет он сам. Ну, или придуши его, что ли. А всем скажи, что твой ребенок умер родами и ты его похоронила.

– Что вы говорите такое, господин доктор?! Как можно – придушить...

– Все, хватит болтать! Говори, согласна на подмену? Ну?!

– Согласна...

– Вот и умница, вот и молодец. Правильно решила. Только запомни – теперь этот мальчик сын барина и барыни, а не твой, поняла? Чтобы не ляпнула чего потом!

– Поняла... Не ляпну.

Доктор оторвал от груди Марфы мальчика, завернул его в те пеленки, в которых принес уродца, а самого уродца небрежно швырнул на кровать рядом с Марфой.

Тот жалобно закричал, захныкал, уродливое личико его исказилось – малыш почувствовал запах молока.

И Марфе, поначалу отшатнувшейся от «ящерицы», вдруг стало нестерпимо жалко несчастного ребенка, от которого отказалась родная мать.

Она дала малышу грудь...

Глава 3

Где-то через час снова примчался Либман – довольный, цветущий, от его недавней истерики не осталось и следа.

– Молодец, Марфушка, выручила всех нас! – Радостно потирая руки, профессор направился к женщине. – Давай-ка я и тебя осмотрю, чтобы никаких послеродовых осложнений не было. Ты хозяйке и сыну здоровая нужна.

– Не надо! – Марфа испуганно шарахнулась от доктора, натягивая на ноги подол сорочки. – Здорова я, здорова! Вот еще, ерунду придумали, барин!

От ее движения проснулся и заплакал лежавший возле стенки уродец.

Либман нахмурился:

– Он что, еще жив?

– А чего ж ему не жить, – пожала плечами Марфа. – Поел, сухой – пеленку я ему сменила, уснул.

– «Пеленку я ему сменила»! – передразнил женщину Иосиф Львович. – Тебе что было сказано? Убрать эту погань с глаз долой, пока кто-нибудь из прислуги его не увидел!

– Сами и убирайте! – поджала губы Марфа. – А я его не трону – дите ведь, пусть и страшненькое!

– Да пойми ты, дурочка, – решил сменить тактику профессор, – мальчишка все равно не жилец! Дети с такой болезнью долго не живут, а пока живут – только мучаются от боли! И смерть для них – избавление! Ты ему только поможешь, несчастному...

– Нет! Не возьму грех на душу! Вы вот и избавьте его от мучений, вы же врач! Вот, – Марфа протянула Либману возмущенно заоравшего уродца, – забирайте и делайте с ним что хотите! Я и так уже... Сыночка моего...

Губы женщины задрожали, на глазах выступили слезы. Марфа отвернулась и прерывисто всхлипнула, по-прежнему держа на руках плачущего ребенка.

Иосиф Львович потянулся к мальчику, собираясь его забрать у упрямцы, но потом передумал.

Заложил руки за спину и, мерно раскачиваясь с пятки на носок, вкрадчиво заговорил:

– А знаешь что, милочка? А не хочешь избавляться – не надо! Оставь его себе. Сама ведь говорила – деревенские совсем тебя заклюют. Да-да, именно деревенские – потому как отправишься ты сегодня же обратно, к отцу с матерью. Покажешь им «внучка». И скажешь, что побрезговала хозяйка оставлять в кормилицах бабу, родившую такое чудовище! И выгнала тебя вон!

– Но... как же? – растерянно произнесла Марфа. – А мой сын? Я всем тогда расскажу про то, что мой сын – у барыни Магды!

– Рассказывай! – насмешливо хмыкнул Либман. – Только кто тебе поверит, дура?

– Так это... – упрямо поджала губы женщина. – Проверить можно! Я в городе когда была, по этому... по телевизору как раз передача была. И там рассказывали про эксп... экс... ну, когда по крови устанавливают, кто кому родственник. Я в город поеду, в Москву! И там все расскажу! И проверить потребую!

– Ух ты, какие мы грамотные! – недобро прищурился профессор. – А ты уверена, что доедешь до Москвы? Что тебя с уродцем этим, – Либман кивнул на затихшего мальчика, – родня не придушит, чтобы позора избежать? Или не они, так кто-то еще тебе рот заткнуть пожелает?

– Но... Как это?.. Вы что, убьете меня?!

– В общем, так, Марфа, – в голосе профессора звякнул лед. – Либо ты делаешь, что я велю, и остаешься в поместье кормилицей при сыне, либо сегодня же отправляешься с этим отбросом к родне. Поняла?

Марфа, прикусив губу, отвела взгляд и молча кивнула.

– Не слышу!

– Поняла.

– Вот, так-то лучше. Ну, и что ты решила? Домой или тут останешься?

– Тут останусь.

– Правильный выбор, – удовлетворенно кивнул Либман. – Тогда – чтобы через два часа, когда малыша принесут на кормление, этого уродца здесь не было! Имей в виду – если кто-нибудь его хоть краем глаза, хоть намеком...

– Сказала же – я поняла. – Марфа медленно, с трудом поднялась, по-прежнему держа уснувшего от плача мальчика на руках. – Идите уже, господин доктор, мне пора делом заняться.

– Займись-займись! – ласково улыбнулся многоуважаемый профессор. – Через два часа с сыном увидишься. Если все по уму сделаешь.

И Либман, насвистывая веселенький мотивчик, вышел из комнаты кормилицы.

Марфа осторожно, чтобы не разбудить, положила ребенка на кровать, взяла в руку подушку, занесла ее над «ящеркой», тихо прошептала:

– Прости, маленький, но так будет лучше всем. Ты все равно не жалец...

Глубоко вздохнула, собираясь опустить подушку на личико уродца, и в этот момент мальчик открыл глазки.

И посмотрел – как-то странно, словно взрослый, – прямо в глаза Марфы. Не младенчески бессмысленным, ускользающим взглядом, а обреченным взглядом старичка, осознающего свою участь.

Словно говорил: «Ну что же, раз надо – сделай это. Только побыстрее».

Женщина ахнула, отшвырнула подушку и опустилась перед кроватью на колени, прижавшись лбом к маленькой шершавой ручке:

– Не могу! Господи, не могу! Что же мне делать?!

Ответа не было. Малыш тоже молчал: не кричал, не плакал, не хныкал. И даже не шевелился. И глазки опять закрыл.

– Ой... – Марфа нахмурилась, прижала ручку ребенка к губам. – Помер, что ли? Сам? Так вроде теплый. Ну, может, оно и к лучшему. Не пришлось брать грех на душу.

Женщина поднялась, быстренько натянула поверх сорочки длинную юбку, сверху – кофту, обула полотняные тапки на резиновой подошве, собрала длинные русые волосы в тяжелый узел, вытащила из сундука приданое, приготовленное ею для ребенка. Пару секунд с сожалением рассматривала крохотные батистовые рубашонки и чепчики – сама все сшила, и вышивка ладная, василечки да ландыши по краю покрывальца!

Вытерла набежавшие слезы со щек и, разложив приданое на столе, принялась переодевать в него мертвого уродца.

Вернее, собралась переодеть. Но именно в тот момент, когда Марфа развернула хозяйскую пеленку, в которую был завернут малыш, веселый фонтанчик сообщил о том, что парень вовсе даже не умер.

И не собиравшись, закрепив сообщение более солидным «посланием», сопровождаемым характерными звуками и запахом.

– Вот ведь паршивец! – растерянно произнесла Марфа, автоматически вытирая попку малыша хозяйскими пеленками. – Ловко ты меня провел! И что мне теперь делать прикажешь? А?

Странно, но женщина почему-то совсем не расстроилась. И даже легче как-то на душе стало. И уродец вроде не таким уж и уродцем показался. Ведь если присмотреться – личико вполне человеческое и даже симпатичное.

И вообще – как можно?! Она никогда и котенка утопить не могла, вечно братья старшие над ней насмехались. А тут – ребенок!

И судя по тянущимся к ее груди чешуйчатым ручкам – опять проголодавшийся ребенок.

Марфа вымыла мальчика под краном – да-да, в ее комнате имелся собственный умывальник с блестящими кранами, из которых текла и холодная, и горячая вода! Такого ни у кого в деревне не было!

Затем вытерла его, одела в приготовленное для своего ребенка приданое, покормила, дождалась, пока малыш уснет, завернула его в одеяльце так, чтобы не видно было лица, и решительно вышла из комнаты.

Выйти из поместья незамеченной ей не удалось. Как назло, на пути ей встретились и хозяйская горничная, и садовник, и из охраны пара человек, и даже деревенские, привезшие молоко для кухни, тоже видели Марфу с ребенком на руках.

И всем ей пришлось объяснять, что ребенок родился мертвым. И она идет его хоронить. И никому сына не покажет – они ее малыша не любили, когда он в животе сидел, так нечего и пялиться! Из-за вас он, наверное, и помер!

Больше всего Марфа боялась, что из-за всех этих разговоров малыш проснется и заплачет. И тогда...

Думать о том, что будет тогда, ей не хотелось.

Но мальчик словно знал – он должен вести себя тихо.

И все обошлось – вскоре Марфа уже шла с малышом на руках через лес.

К старым заброшенным каменоломням.

Глава 4

Когда-то, еще в прошлом веке, в этих местах вели добычу белого камня. Но со временем все пришло в запустение, и каменоломни забросили.

Небольшие пещеры, узкие тоннели, загадочные лазы и лабиринты – это место стало настоящим парком развлечений для местной детворы. В том числе и для мальчишек и девчонок из староверческой «барской» деревни.

И байки местных стариков насчет живущего в этих местах Змея Горыныча никого не пугали. Ну и в самом деле – какой еще Змей Горыныч в век телевидения! Бабы сказки все это!

Пока однажды двое ребятишек из «светской» деревни, заблудившись в путанице катакомб, не провели под землей три дня...

Мальчишек нашли совершенно случайно, причем километрах в десяти от входа в каменоломни, где они потерялись. Нашли их московские спелеологи, тренировавшиеся в окрестных пещерах.

Парни перепугались до полусмерти, когда на свет их фонарей из какого-то очень узкого лаза выползли – в буквальном смысле слова, по-пластунски, – две тени.

Именно тени – худые, изможденные и... седые.

Оба. Хотя одному было десять, а второму – двенадцать лет.

А еще – мальчишки перестали разговаривать. Совсем. И в глазах их навеки поселился ужас.

Само собой, в деревню они больше не вернулись. И, насколько Марфе было известно, до сих пор жили в одной из подмосковных психушек. Если еще жили...

Что с ними произошло, что могло так напугать мальцов, как они оказались так далеко, как смогли пройти под землей десять километров – узнать не удалось.

Но вход в каменоломни с тех пор был строго-настрого запрещен. И даже поначалу досками его закрыли-заколотили. И большими валунами завалили, из тех, которые местные мужики смогли сдвинуть с места.

В общем-то, эта мера была излишней – дети и сами больше не хотели шастать под землей. Те, кто жил в одной деревне с пропавшими мальчишками, своими собственными глазами видели Васку и Кольку. Детворе этого хватило – их веселые, задорные ровесники превратились в трясущихся седоголовых старичков с совершенно дикими глазами.

Потом, пересказывая увиденное приятелям из других деревень, ребята щедро облепили правду наслоениями выдумки, превратив реальность в очередную детскую страшилку.

Очень страшную страшилку, надо сказать.

Отбившую у детей всякое желание лазить в каменоломню.

Дети из староверческой деревни тоже больше туда не бегали. Тут основным аргументом стали не страшилки, а отцовский ремень, в некоторых случаях – вожжи. Девчачий вариант – хворостина.

Марфа тоже поначалу перестала туда ходить. Но когда девочка немного подросла, ее стала брать с собой в лес бабушка, Клавдия Григорьевна, знатная травница, лечившая односельчан отварами и настоями.

Знания свойств трав передавались в их семье из поколения в поколения. И только по женской линии – от матери к дочери или, как в случае Клавдии Григорьевны, рожавшей только сыновей, от бабушки к внучке.

Но Марфе не очень хотелось учить всю эту, как она думала, допотопную ерунду. Девочка больше остальных детей из их деревни общалась со «светскими». И тайком частенько шастала в гости к Любаше, дочери агронома из ближней деревни.

Дом родителей Любаши так отличался от их хаты! Нет, не новизной – как раз дома в староверческой деревне были новенькими, выстроенными к их переселению. Но это были настоящие хаты – без электричества, без газового отопления, не говоря уже о такой дьявольской штуке, как телевидение!

И одевались в их селе совсем иначе – в домотканую одежду.

И вообще!..

Но возражать бабушке открыто Марфа боялась – отец ее так выпорет, что потом неделю садиться будет больно. И к Любаше не получится больше бегать – накажут ее, запретят из дома выходить, работой по хозяйству нагрузят.

И Марфа покорно таскалась следом за бабулей по лесам, собирая травы и корешки. Баба Клава попутно объясняла ей, какая травка для чего нужна, в какой день их надо собирать, а когда – даже не смотреть на растения. Не то чтобы Марфа старалась все запомнить, наоборот, девочка частенько уплывала мыслями в другой мир, мир Любаши, мир цивилизации. Где девочка – это не обязательно только чья-то жена в будущем и станок по «воспроизводству поголовья», нет. Там девочки учатся наравне с мальчиками – и становятся врачами, учителями, артистками!

А здесь, в их селе... Толку-то, что Марфа научилась читать и писать сама? И считать – тоже. Все равно ее отдадут замуж за того, кого выберут родители, и из одной каторги она попадет в другую. И даже знания бабы Клавы не особо ей помогут облегчить свою жизнь, только добавят трудностей – никто бабушку от домашних дел и хлопот по хозяйству не освобождал, когда была она помоложе, – и людей лечила, и детей растила, и коров доила, и в поле ходила.

В общем, не собиралась Марфуша запоминать все, что говорила бабушка. Не собиралась, да запомнила – цепкий ум, жадно тянувшийся к знаниям, впитывал все как губка.

И вскоре Марфа уже сама составляла сборы, подменяя совсем расхворавшуюся бабушку.

Клавдию Григорьевну с возрастом замучили проблемы с суставами. Собственно, скрюченные, изуродованные пальцы были практически у всех старух их деревни – результат тяжелого, словно пришедшего из позапрошлого столетия, сельского труда. Без каких-либо современных приспособлений, облегчающих этот труд.

Правда, Марфа заметила, что у ее бабушки все-таки не такая печальная картина, как у остальных ее ровесниц. Время от времени баба Клава уходила куда-то на полдня, а когда возвращалась – видно было, что пальцы у бабули стали гораздо подвижнее, да и сама она бодрее и веселее выглядит.

Куда ходила бабушка – Марфа не знала, пока однажды совсем одряхлевшая Клавдия Григорьевна не попросила внучку проводить ее. А для начала – собрать узелок с чистым бельем.

Лишних вопросов баба Клава не любила, она либо сама объясняла все, что считала нужным, либо просто давала четкие указания.

Поэтому Марфа, хотя и сгорала от любопытства, не рискнула расспрашивать – с какого перепугу бабушке понадобилось чистое белье, если банный день в субботу?

Скоро она все узнает.

И узнала.

Шли они медленно – бабушке каждый шаг давался с огромным трудом. К концу пути Марфе пришлось практически тащить под руку обессиленную старушку. Хорошо хоть, баба Клава была сухонькой и мелкой, не то что соседская Зинаида – гигантская квашня!

Вскоре Марфа поняла, что они идут к каменоломням. Но не к главному, заколоченному и заваленному входу, а с полверсты левее, туда, где склон горы был покрыт густыми зарослями колючего кустарника.

Вопросы пчелами зудели на губах девочки, но Марфа держалась. И только когда бабушка подвела ее вплотную к склону горы, раздвинула клюкой кусты и там оказался узкий, не шире метра, вход в пещеру, Марфа не выдержала:

– Бабуля, ты что, туда собралась? Туда же нельзя, там опасно!

– Другим нельзя, нам – можно, – усмехнулась Клавдия Григорьевна. – Не бойсь, нет там никакого Змея. А ты молодец, Марфуша, выдержала, не балаболила всю дорогу, дурных вопросов не задавала. Значит, можно тебе и последнюю мою тайну открыть, ты ее сохранишь. Только учти – об этом не надо знать всем, это только для нашей семьи пусть будет. Я это чудо чудное случайно нашла, и расчистила, и сберегла. А начнут бабы да мужики туда свои задницы без спросу кунать – испоганят источник!

– Источник?! Какой источник?

– А сейчас увидишь. Идем. Только сперва там вон, у входа, пошуруди.

Марфа осторожно заглянула в узкий лаз – он уходил куда-то внутрь горы. А у самого входа, слева, аккуратно прикрытая камнями, стояла керосиновая лампа. Там же, завернутый в кусок непромокаемого брезента, лежал коробок спичек.

– Нашла?

– Ага, тут лампа.

– Зажигай.

Марфа осторожно сняла стеклянную колбу, чиркнула спичкой, подожгла фитилек, вернула колбу на место и подняла лампу.

Неяркий свет озарил часть узкого, тесного, невысокого хода. Им с бабушкой наклоняться не придется, а вот если батюшка сюда пришел бы...

– Ну, чего встала? – сварливо проворчала баба Клава. – Вперед иди, да не спеши, я быстро ходить не могу.

А Марфа и не собиралась спешить. Ей было страшно. Казалось, она слышит какие-то странные шорохи, царапанье, хруст. И непонятно было, куда вел ход – свет отбирал у мрака не больше пары метров.

Но возражать и спорить – себе дороже. К тому же если бабушка ходила сюда одна и не боялась, так ей, здоровенной дылде – четырнадцать годков зимой стукнуло, – трусить тем более стыдно.

Метров через двадцать, показавшихся Марфе бесконечными, свет лампы озарил небольшую, какую-то даже уютную пещерку. Она не была сквозной – кроме хода, через который они пришли, других путей сюда не было.

Довольно-таки ровные стены, скругленный потолок, у одной из стен – небольшой каменный выступ, напоминающий топчан, а возле другой – углубление, размером как две ваннные лоханки в доме у Любаши.

Сравнение с ванной подружки пришло девочке на ум из-за того, что углубление было заполнено водой.

– Ну, вот и пришли, – облегченно вздохнула бабушка. – Помоги мне раздеться.

– А что это?

– А это, внученька, тот самый источник, с живой водой. Я завсегда оживаю, как в нем с часок посижу.

Когда Марфа помогала бабушке забраться в источник, она с удивлением обнаружила, что вода в нем горячая!

И именно сюда несла сейчас Марфа никому не нужного, обреченного на медленную смерть малыша.

Глава 5

Он действительно был целебным, этот источник. Благодаря ему баба Клава прожила еще два года после того случая. Марфа, когда простужалась или умудрялась пораниться, тоже приходила сюда и с наслаждением погружалась в горячую, пахнущую, правда, не очень приятно, но все равно живительную воду.

Иногда она закрывала глаза и представляла, что нежится в настоящей ванне, в чудесной, отделанной голубенькой гладкой плиткой комнатке, которую в доме Любаши называли туалетной.

И чтобы пена – пушистая-пушистая. И шампунь, от которого волосы становятся такими шелковыми! Какими они никогда не были после бани у них в деревне, где волосы бабы мыли кусками самодельного мыла. И даже полоскание в отварах ромашки или в уксусе не могло придать волосам того блеска и шелковистости, как ароматные шампуни в ванной у Любаши.

Однажды подружка подарила Марфе флакон шампуня. Но когда девочка пришла с ним в баню и, горделиво осматриваясь по сторонам, начала намыливать им волосы, на нее налетели и мать, и тетки. Отобрали «бесовскую отраву», еще и за волосы оттягали.

Здесь, в пещере, отбирать шампунь и мыло было некому, но Марфе и в голову не приходило принести их сюда.

Потому что мыться здесь было НЕЛЬЗЯ! Иначе целебная купель превратилась бы в тухлую помойку. Так сказала бабушка, и Марфа склонна была ей верить – никаких дырочек для слива воды, как в ванной у Любаши, здесь не было.

А через год после смерти бабушки Марфа решилась на побег из отчего дома – ее просватали за сорокалетнего вдовца с тремя детьми, угрюмого и жутко волосатого (у него волосы торчали из ворота рубахи, словно шерсть у медведя) Агафона. При одном только взгляде на этот старого – для семнадцатилетней девчонки – дядьку у Марфы ком тошноты к горлу подкатывал. Она валялась в ногах у отца, просила не отдавать ее Агафону, но батюшка и слышать ничего не хотел. Глупости какие – старый! Сорок лет ему всего. Зато дом у него крепкий, хозяйство большое, он – мужик рукастый. Свадьбе быть!

Наверное, если бы не помощь и поддержка Любаши, девушка не решилась бы на побег – такого в их деревне еще не бывало!

После того как подруга в прошлом году уехала в Москву и поступила в сельскохозяйственную академию – тоже решила стать агрономом, как отец, – девушки переписывались. Причем письма Любаша присылала на свой адрес, а Марфа тайком прибегала к родителям подруги, забирала у них письмо для нее и передавала письмо для Любаши.

А потом подружка приехала домой на летние каникулы, и девушки не могли наговориться. Они делились всеми секретами, и Марфа с замиранием сердца слушала откровения Любаши – та уже полгода встречалась с одним парнем, по словам подружки – потрясающим красавчиком! И у них с Любайшей БЫЛО! То самое!

Любаша собиралась за своего Сережу замуж, во всяком случае, она была абсолютно уверена, что рано или поздно парень сделает ей предложение. Именно потому, что – БЫЛО.

Девушка светилась от счастья, а ее рассказы порою заставляли сердце Марфы биться чаще, к щекам ее приливали кровь.

Как это, должно быть, притягательно, когда все – по любви!

А в середине августа пришли сваты от Агафона...

И Марфа, глядя на противного волосатого дядьку, представила, что у нее с ним будет ЭТО?!!

Когда ее мольбы не возымели никакого действия, девушка, заливаясь горькими слезами, пожаловалась подружке.

И Любаша, счастливая от предвкушения скорой встречи со своим любимым Сережей, ужаснулась происходящему.

Как это так?! В наше время, в конце двадцатого века, насильно выдавать девушку замуж?! Словно при царе, вообще!

И Любаша предложила Марфе бежать. Девушка и сама частенько подумывала об этом, но ей было страшно.

И вовсе не потому, что она боялась большого мира. Просто у нее не было ни денег, ни документов – старoverы категорически отказывались получать паспорта с идентификационными номерами, считая эти номера меткой дьявола.

И тут на помощь Марфе пришли родители Любы, давно возмущавшиеся царившими у старoverов порядками. Они помогли девушке оформить паспорт, а отец Любы через своих знакомых устроил Марфу вахтером в одном из корпусов сельхозакадемии. И место в общежитии этой академии ей выхлопотали, причем в том самом общежитии, где жила Любаша!

Это было похоже на чудо!

В общем, жизнь налаживалась и стала похожа на радугу: раньше, когда она жила в деревне, все вокруг было тусклым и блеклым, а теперь заискрилось и засверкало!

Проблема с одеждой решилась очень просто – Люба показала подружке несколько хороших комиссионных магазинов (предтечей секонд-хэндов), где за копейки можно было приобрести очень даже неплохую одежду. Пусть и ношеную – Марфе после ее домотканых мешкообразных нарядов вещи из комиссионки казались верхом роскоши и красоты.

И Марфа расцвела. Нет, она по-прежнему не красилась – ей это все не нравилось, жгло глаза, она все время забывала о косметике и терла их, размазывая тушь. Помада казалась ей липким налетом на губах. Лак для волос застывал на голове плотной пленкой, кожа под которой очень быстро начинала чесаться.

И Марфа, поначалу увлеченно повторявшая за Любашей все ее манипуляции, очень быстро засунула купленные тушь, помаду и лак в тумбочку.

Потому что на самом деле все эти ухищрения девушке не были нужны.

Высокая, статная, полногрудая, с длинными крепкими ногами, с роскошной светло-русой косой, доходившей до середины спины, с большими голубыми глазами, широко распахнутыми навстречу миру, с полными, сочно-алыми от природы губами, Марфа была невероятно притягательна для представителей противоположного пола. В первую очередь этой смесью природной чувственности и реальной неопытности.

Мальчики-студенты вились вокруг стеклянной будки вахтерши, словно пчелы над цветущей акацией, но никто из них пока что не затронул сердце Марфы. А без любви и речи быть не могло об ЭТОМ!

И вообще, какие могут быть кавалеры, когда вокруг столько интересного! И в первую очередь – книги!

Марфа читала взахлеб, восполняя вакуум знаний. Она записалась в несколько библиотек, в том числе и в библиотеку сельхозакадемии, где подружилась с Марией Антоновной, библиотекарем. И женщина, видя тягу девушки к знаниям, давала ей дефицитные по тем временами журналы «Наука и жизнь».

Интернет, мобильная связь – все это пришло позже, спустя полтора десятка лет. А тогда – только книги и журналы могли помочь Марфе накопить знания.

Вскоре она поняла, что источник «живой воды» на самом деле, скорее всего, просочившийся на поверхность пласт минеральной воды, причем просочившийся откуда-то из глубины, раз он горячий.

Но тогда, в Москве, девушка практически забыла и об источнике, и о науке бабы Клавды – зачем ей это, ведь она больше никогда не вернется в родной дом. А если и вернется, то погостить, став такой умной, уверенной в себе, ученой – Марфа собиралась сдать экзамены за

школьный курс экстерном и поступить учиться. Может, и на врача – продолжить дело бабы Клавы на современном уровне.

И муж у нее будет умный и сильный, и детишки чудесные! И вот когда они приедут все вместе на красивой новой машине, батюшка вряд ли помянет старое и простит свою непослушную дочь!

С Любашей Марфа виделась довольно часто и знала, что кавалер подружки не спешит делать ей предложение, и это очень расстраивало девушку. Любаша даже плакала иногда, делаясь с Марфой своими обидами.

С Сергеем Марфа пока знакома не была – как-то не складывалось. Да и, если честно, ей не очень-то и хотелось, она была сердита на парня из-за подруги.

Но где-то в середине октября знакомство их все же произошло. Марфа как раз сидела у Любашы в комнате, когда в дверь постучали и, не дожидаясь разрешения, кто-то открыл ее.

Любаша, примерявшая перед зеркалом новую кофточку, взвизгнула и прикрылась дверцей шкафа.

– Да ладно тебе! – ухмыльнулся высокий, широкоплечий блондин с какими-то пустыми, слишком светлыми, почти белыми глазами. – Будто я чего не видел! О, а это кто у нас?

– Здравсьте, – сухо кивнула Марфа, сообразив, кто к ним зашел.

И не ошиблась.

– Разрешите представиться, – галантно прищелкнул каблуками парень, – Сергей Кольцов, будущий инженер! А вы кто, прелестная нимфа?

Он вел себя так, словно Любашы в комнате не было. Жадно пожирая глазами фигуру Марфы, он приблизился к сидевшей за столом девушке и навис над ней, бесцеремонно заглядывая в вырез ее блузки.

– Знаешь, Любочка, – Марфа решительно поднялась, так же бесцеремонно оттолкнув нахала, – я, пожалуй, пойду.

– Но как? Даже не познакомившись? Это невежливо! – Сергей попытался схватить ее за руку, но, получив мощный толчок в плечо, отпрыгнул, потирая ушибленное место. – Впрочем, я передумал! Я с лежающимися кобылами не знакомлюсь!

– И это он мне говорил о вежливости! – фыркнула Марфа и вышла из комнаты, от души хлопнув дверью.

Глава 6

И вот этот белесый придурок – мечта ее Любаши?! Тот самый принц, от которого подруга с нетерпением ждет предложения руки и сердца?

Вот уж не думала!

Нет, если смотреть объективно – Сергей обладал вполне симпатичной внешностью. Черты лица у него были правильными, рост – высоким, фигура – спортивной. И волосы тоже ничего – густые, светлые, с золотистым отливом. Но эти пустые светло-серые глаза! В обрамлении редковатых светлых ресниц они казались пластмассовыми, мертвыми.

И не столько из-за цвета, сколько благодаря выражению этих глаз.

В них не было тепла, чуткости, душевности. Да что там – души в них не было! За белесыми ресничками прятались холод, цинизм, жестокость, похоть. И «вишенка на торте» – эгоизм.

Этот человек любил только себя. Себя и свои желания.

Марфа до самого вечера не могла успокоиться – как, КАК ее умненькая подружка, отличница, так часто дававшая ей, диковой Марфушке, толковые советы, не рассмотрела того, что просто бьет по глазам?! Ведь вокруг этого ее разлюбезного Сергея даже воздух словно пропитан чем-то гадким и липким!

Марфа не знала, что такое аура и кто такие экстрасенсы. Да тогда особо этим и не увлекался никто.

Просто и баба Клава, и она «ведали». Наверное, это передавалось в семье по наследству, и женщины их семьи скрывали свои способности, занимаясь знахарством и травами.

А скрывали, потому что не хотели прослыть ведьмами.

Марфа, правда, унаследовала лишь малую толику способностей бабушки, может потому, что через поколение. Но она чувствовала человека сразу. Хороший он или плохой, темные у него мысли или обычные, человеческие. И болезни людские виделись ей темными пятнами в области больного органа.

Так вот, Сергей был сплошным темным пятном. И болезнь его не была физической.

Марфа долго не могла заснуть, ворочалась с боку на бок, пытаясь придумать – как убедить подружку порвать с Сергеем? Ведь не скажешь ей – «он темный»! Решит еще, что Марфа завидует.

Так ничего и не придумав, Марфа забылась под утро тяжелым сном.

Очень тяжелым – ей снился Сергей. Гнусно ухмыляясь, он медленно расстегивал пуговицы ее блузки, а она ничего не могла сделать! Она даже пошевелиться не могла, лежала бревно на бревне, словно ее опоили чем-то. И закричать Марфа тоже не могла: губы оказались склеенными. Девушка могла только мычать, хрипеть, стонать, с ужасом наблюдая за действиями белесоглазого...

Но зато мычала она, судя по всему, впечатляюще, потому что из кошмара ее вырвала соседка по комнате, Катя, изо всех сил затрясая Марфу за плечи:

– Проснись! Да проснись ты!

– А, что? – подхватила девушка, испуганно глядя по сторонам. – Где он? Ушел?

– Кто? Кто ж тебе такой страшный приснился, что ты прям задыхалась! – Катя скептически усмехнулась. – И мычала так жутко, словно душат тебя. Фредди Крюгера, что ли, увидела? Он тебя своими ножичками полосовать собрался, да? Он всегда во сне приходит!

– Какой еще Крюгер? – мучительно поморщилась Марфа – голова от недосыпа налилась свинцовой тяжестью. – Не знаю я такого...

– Так сходи в видеосалон, деревня! Там как раз «Кошмар на улице Вязов» показывают! Жутик такой, я чуть не описалась прямо там, в зале!

– Мне и по жизни жутиков хватает, – проворчала Марфа, с трудом сползая с кровати – голова болела все сильнее.

– Так что снилось-то? – крикнула ей вслед Катя, но соседка по комнате уже вышла, прихватив с собой полотенце.

В женском туалете, одном на весь этаж, Марфа наскоро ополоснула лицо ледяной водой, а потом приложила руки к вискам, вытягивая через них боль.

Девушка почти воочию видела – хотя глаза ее были закрыты, – как из головы в ее руки сочится черная муть. Вот уже руки стали такими грязными, словно она их в болото окунула. Теперь – пора.

Марфа несколько раз энергично стряхнула руки над выщербленной фаянсовой раковиной, а затем тщательно вымыла их куском хозяйственного мыла.

Прислушалась к себе – голова больше не болела. Вот и отлично! Спасибо, баба Клава, за науку!

Теперь быстренько позавтракать – и на работу. Сегодня ее дежурство, сутки. Надо еще «ссобойку» собрать, отлучаться надолго, чтобы сбегать в столовку, нельзя. Да и не нравилась Марфе столовская пища, камнем ложившаяся в желудок. Лучше уж самой что-то приготовить, пусть и холодное потом придется есть, зато вкусно и не печет потом в животе.

Марфа как раз разворачивала свои запасы, когда увидела через стекло вахтерской будки приближавшуюся Любашу.

Девушка радостно улыбнулась и приветственно помахала подружке рукой. Но та почему-то на приветствие не ответила, и вообще – обычно светящееся улыбкой, круглое личико Любаши сейчас было хмурым и расстроенным.

Марфа отложила в сторону «ссобойку» и поднялась, чтобы открыть подружке дверь вахтерки, всегда запиравшуюся на замок.

Вернее, это Марфа ее всегда запирала, как и положено по инструкции, а вот ее сменщица, Лариса Петровна, дама пенсионного возраста, такой ерундой не заморачивалась – у нее вахтерка всегда стояла нараспашку.

Но если для Ларисы Петровны эта работа была всего лишь добавкой к пенсии, то для Марфы место вахтера автоматически объединялось с местом в общежитии. Поэтому все инструкции девушка выполняла неукоснительно.

Кроме одной – о нахождении посторонних в вахтерке. Да и то пускала сюда Марфа только Любашу.

Подруга молча вошла внутрь и уселась на стул Марфы. Губы Люба сжала в куриную гужу, носик курносый задрала, отвернулась и молчит. Только сопит громко и обиженно.

Марфа покачала головой, усмехнулась и, прислонившись плечом к стеклу вахтерки, поинтересовалась:

– Ну, и чего ты дуешься? Небось из-за орясины своей белобрысой?

– Сама ты орясина! – немедленно парировала подружка. – Размахалась кулачищами! Ну как так можно?! Ты же девушка, а не пацан! Знаешь, как Сережа потом надо мной насмеялся? «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты!»! Хихикал: мол, если подруга у тебя – мужик в юбке, то и ты, наверное, такая же! Говорит, эту твою Марфу надо в зоопарке показывать, как самку неандертальца. И что в сказке «Морозко»...

– Люба, а ты все оскорбления в мой адрес пришла мне перечислить? – грустно улыбнулась Марфа.

Подружка густо покраснела и виновато шмыгнула носом:

– Извини... Просто Сережа вчера вел себя совсем по-другому. Обиделся из-за тебя и весь вечер занудничал. Ни одного ласкового слова, ни одного поцелуя! И домой к себе не пригласил, как раньше... Прямо в подъезде каком-то затащил наверх и... Ну... – Любаша вздохнула, а затем улыбнулась: – А знаешь, мне даже понравилось! Грубо, да, но ощущения совсем другие,

когда знаешь, что в любой момент дверь какой-нибудь квартиры откроется, и... Но ты все равно не права! Ты должна извиниться перед Сережей.

– Что-о-о?!

– Ну, я хочу, чтобы вы подружились с ним, – жалобно пролепетала Любаша. – Ты ведь моя лучшая подруга, будешь свидетельницей на моей свадьбе, и нельзя, чтобы свидетельница и жених терпеть друг друга не могли! А Сережа сказал, что разрешит мне с тобой дружить, только если ты извинишься!

– Люба, ты что, совсем с ума сошла?! Ты же сама возмущалась домостроем в моей семье – как отец мой скажет, так и будет! А теперь что? Какой-то белесый придурок будет тебе указывать, с кем можно дружить, а с кем нет?! Что с тобой, подружка? Ты в какую-то амебу превратилась!

– И ничего не амебу! – запальчиво выкрикнула Любаша, вскакивая со стула. – Я люблю Сережу, вот и все! Тебе не понять! Вот влюбишься сама, тогда и судить будешь!

– А насчет свидетельницы на свадьбе – что, Сергей уже сделал тебе предложение? И распоряжается как твой будущий муж?

– Не сделал! Но сделает! А ты на самом деле вела себя вчера ужасно!

– Люба, ты вчера была слепой и глухой?! – Марфе не нравилось, что она тоже сорвалась на скандал, перешла на крик, но куриная слепота подруги начинала ее раздражать. – Ты не видела, что твой разлюбезный Сереженька нагло приставал ко мне?

– Не придумывай! Это ты ему глазки строила! Он мне так сказал!

– Все, Люба, – Марфа устало опустила на освобожденный подружкой стул, – тебе лучше уйти. А то мы с тобой всерьез поссоримся, а я этого не хочу. Давай-ка мы обе успокоимся, а завтра-послезавтра встретимся и все обсудим. Хорошо?

– Не вижу ничего хорошего! – вздорно прошипела Любаша, но затем вздохнула и буркнула: – Ладно, договорились.

Глава 7

Самое тяжелое в суточных дежурствах – не спать по ночам. Вернее, спать, в принципе, не запрещалось, но раз в час вахтер должен был обходить весь корпус, проверять – не забрались ли воры или просто шалопаи какие-нибудь.

Марфа знала, что ее сменщица даже и не думала ходить по этажам и дергать двери за ручки – заперто, не заперто? Лариса Петровна замыкала дверь корпуса, вытаскивала из-за шкафчика раскладушку и, плотно откушавши перед сном, укладывалась на скрипящее ложе. Впрочем, этот скрип – как и ее собственный храп – вовсе не мешали бабушке спать сладко и крепко. До самого утра.

В принципе, она, наверное, была права – за все то время, что Марфа проработала вахтером, ни разу девушка не обнаружила ни воров, ни шалопаев. Темнота и тишина – это были единственные обитатели учебного корпуса сельхозакадемии по ночам.

Но Марфа все равно старательно выполняла предписанные ей обязанности. А вдруг проверка придет какая-нибудь? Или действительно кто-то заберется, к примеру, в химлабораторию (насчет которой девушку предупреждали особо, не объяснив, правда, причин) именно в ту ночь, когда она решит лечь поспать?

В общем, Марфа приносила с собой маленький трескучий будильник, ежечасно пугавший тишину и темноту заполошным звоном.

Обычно ночная вахта проходила пусть и тяжеловато, но в целом не особо выматывала ее. Крепкий молодой организм девушки уверенно справлялся с ночными бдениями.

А в это дежурство все было иначе. Наверное, сказывалась предыдущая бессонная ночь, но, чем ближе стрелки часов приближались к полуночи, тем труднее было Марфе просыпаться по звонку будильника. Хорошо хоть, что она, предполагая нечто подобное, принесла с собой бодрящий травяной чай, приготовленный по бабушкиному рецепту.

И теперь, когда у нее совсем не получалось разлепить тяжелые веки, девушка наливала из термоса с полкружки чая и залпом выпивала.

Спустя пару мгновений веки из свинцовых становились прежними, легкими, и Марфа, захватив с собой фонарик и связку ключей, отправлялась на обход.

Двери вахтерки при этом она никогда не запирала – от кого?

Около трех часов ночи, вернувшись с обхода, Марфа озадаченно посмотрела на термос. Ей показалось, что он переместился на другой край стола.

Девушка встряхнула головой, зевнула и потерла слипавшиеся глаза – ну вот, уже и ерунда всякая мерещиться начала из-за недосыпа. Бегающий термос! Домовой развлекается, ага.

Марфа рухнула на раскладушку и уснула, кажется, еще до того, как ее голова оказалась на подушке.

А буквально в следующее мгновение заверещал будильник...

Четыре утра, самый сон!

Девушка нашарила подпрыгивавшего от усердия «звонаря», шлепнула его по «шапочке», заставив заткнуться, тяжело поднялась и, не открывая глаз, шагнула к столу, на котором стоял термос.

А зачем открывать глаза, если в вахтерке она давно уже ориентируется вот так, с закрытыми? Трудно, знаете ли, заблудиться на трех квадратных метрах.

Марфа отвинтила крышку термоса, заглянула внутрь – чая оставалось совсем мало, раза на три. Но ничего, должно хватить – сколько часов до утра осталось!

Налила в кружку темную, терпко пахнущую жидкость. Залпом, как обычно, выпила и сморщилась – вкус какой-то необычный, словно бы химический. Или это тоже из-за недосыпа кажется?

Наверное, поскольку чай подействовал как обычно – веки полегчали, глаза широко открылись, в голове прояснилось. Пора в обход.

Поначалу все было как всегда – Марфа довольно-таки бодро промаршировала по первому этажу, поднялась на второй...

И удивленно нахмурилась – ноги еле-еле поднимались над ступеньками, они словно онемели.

А потом странное онемение начало подниматься все выше и выше, забирая контроль над телом девушки.

Марфа хотела повернуть обратно, чтобы добежать до вахтерки, позвонить в «Скорую», позвать на помощь, но у нее не получилось. Тело стало настолько чужим, что девушка непременно свалилась бы со ступенек, не поддержи ее чьи-то сильные руки.

Мужские руки.

– Ну что, кобылка? – прошептал на ухо знакомый голос. – Стреножил я тебя?

И в глаза Марфы, близко-близко, так, что она почувствовала дыхание мужчины на своих щеках, заглянули пустые глаза Сергея.

В ответе фонаря, освещавшего противоположную стену, эти глаза смотрелись еще страшнее – словно какие-то провалы на лице.

Марфа попыталась вырваться, ударить придурка, закричать – но... у нее ничего не получилось! То есть совсем ничего, точь-в-точь как в ее недавнем сне.

– Не дергайся, солнышко, не надо, – усмехнулся Сергей. – Новый ингредиент, который я добавил в твой чаек, срабатывает всегда и со всеми. Даже с такими сильными и крепкими кобылками, как ты. Так что расслабься, Марфуша, – ну и имечко у тебя! – и постарайся получить удовольствие. Тебе понравится, вот увидишь! Всем нравится, можешь потом у подружки спросить, поделиться, так сказать, впечатлениями.

В голове у нее все гудело, мысли спутались в один болезненный клубок, Марфа никак не могла понять – о чем он говорит? И вообще – наверное, это опять сон, опять вернулся тот кошмар! Ведь на самом деле так не бывает – чтобы совсем не чувствовать своего тела!

Вернее, тело-то она чувствовала, но управлять им – не могла...

Могла только с ужасом наблюдать за деловито осматривавшимся по сторонам Сергеем.

Он поудобнее перехватил тело девушки и понес ее с лестничного пролета в коридор второго этажа.

– Так, насколько я помню, где-то здесь должна быть большая лекционная аудитория с очень удобными длинными скамьями, – ухмыльнулся Сергей. – Я как-то раз Любку здесь ждал после лекции, еще когда окучивал ее. Ага, нам налево. Ключи ты не забыла прихватить? О, вот они, в кулаке зажала. И все с номерными бирочками, чтобы знать, от какой аудитории каждый! Супер! Сама судьба благоволит нам, дорогая!

Он лизнул щеку девушки, и Марфу буквально передернуло от отвращения. До нее только сейчас начало доходить, ЧТО собирается с ней сделать эта сволочь...

А сволочь между тем донес девушку до нужной двери, аккуратно опустил ее на пол, вытащил из пальцев связку ключей и принялся перебирать их, выискивая нужный.

– Знаешь, ты мне сразу вчера приглянулась. Такая вся крепкая, плотная, упругая! И коса эта твоя! А грудь – м-м-м, предвкушаю! У Любки с грудью беда, вялая она у нее и маленькая. И вообще, надоела мне твоя подружка хуже горькой редьки. Я ведь вчера проститься с ней пришел, сказать, чтобы больше она не звонила мне домой и не караулила возле института. А тут опа – ты! Такая вся... К тому же дикая и непокорная, после прилипчивой Любки – такой контраст! Ну, я и потащил твою подружку гулять, чтобы разузнать о тебе побольше. О работе твоей она мне рассказала, о том, что дежуришь ты сегодня. О том, что из дикой какой-то деревни ты приехала, где все очень строго. Как я это услышал, меня так и проняло! Это ж ведь ты даже и не целовалась небось, а? Не говоря уже о чем-то другом...

Он нашел наконец ключ, открыл дверь, втащил туда Марфу и старательно защелкнул замок:

– Понятно, что никого нет, но мне как-то комфортнее с запертыми дверями.

Сергей осмотрел большую аудиторию с окном во всю стену и довольно прищелкнул пальцами:

– Класс! Секс у нас будет с видом на ночную Москву. Правда, второй этаж, низковато, но все равно – романтика! Правда, Марфуша? Ну, чего молчишь? Ах да, ты же не можешь мне ответить! Жаль, конечно, что беседы у нас не получится, но я понял, что токовать и распускать хвост перед тобой, как в свое время перед Любкой, смысла не имеет. Ты не поведешься. Я тебе сразу почему-то не понравился, хотя такое в моей жизни – впервые. Вот я и решил показать тебе, как ты ошиблась. Иди сюда...

Он поднял Марфу, подошел к той части лекционного амфитеатра, что была у окна, уложил девушка на скамью и, прищурившись, похотливо, по-хозяйски, осмотрел ее всю, с ног до головы.

А потом склонился и начал медленно расстегивать пуговицы блузки на груди.

На этот раз мычать, стонать и хрипеть было бесполезно.

Проснуться она не смогла...

Глава 8

Все последующие годы Марфа старалась забыть эти страшные два часа. Вычеркнуть, стереть их из памяти!

Два часа, показавшиеся девушке вечностью. Тягучей, страшной, отвратительной вечностью. Больше всего Марфе хотелось тогда, чтобы онемение коснулось и ее чувств, эмоций, ощущений. Чтобы не только тело ее лежало безвольной грудой плоти, но и душа погрузилась в анабиоз, в забытие, чтобы не видеть, не слышать, не чувствовать...

Он оказался настоящим психом, этот белесый красавчик Сергей Кольцов. К тому же полная, абсолютная власть над распростертым перед ним роскошным девичьим телом что-то переключила в мозгу этого типа, и дрянной, но все же человечешка превратился в чудовище...

Причем в очень хитрое чудовище – следов на открытых участках тела своей жертвы он не оставил. Разве что губы у нее распухли, но и только.

Хорошо, что «кавалер», собираясь на «свидание», не прихватил с собой ничего колюще-режущего. Иначе все явно закончилось бы совсем печально.

Но тогда Марфе и хотелось, чтобы все закончилось именно так. Чтобы не жить больше. Потому что жить ей не хотелось...

А потом девушка почувствовала, что онемение постепенно проходит. Она смогла пошевелить ступней. И пальцами руки. И если потерпеть еще немного, у нее появится шанс задавить, загрызть это чудовище, чтобы его не было больше на свете!

Но, похоже, ее слабые движения не остались незамеченными Сергеем. Да и поднадоело ему, видимо, глумиться над жертвой – ничего нового придумать бедняжка больше не мог, а повторять одно и то же снова и снова – скучно.

Кольцов поднялся, собрал свои разбросанные по полу вещи и начал лениво одеваться, сыто осматривая истерзанное тело жертвы:

– Ну что, кобылка, как тебе? Ты извини, я увлекся немного – уж больно твое тело оказалось вкусным, совсем мне мозги отшибло.

Он покопался в карманах джинсов, вытащил пятидесятирублевку и засунул ее в кармашек ее юбки, валявшейся на полу:

– Вот, возьми, на лекарства тебе. Ничего, заживет все, не переживай! Вы, самки, твари живучие, на вас все заживает гораздо быстрее, чем на мужчинах.

Марфа молчала, говорить она по-прежнему не могла. И не только из-за того, что язык все еще не очень хорошо ее слушался. Девушку тошнило, причем довольно серьезно.

И в итоге ее все-таки вырвало, прямо на скамью, где она лежала.

– Вот сука! – поморщился Сергей. – Что, удержаться не могла? А некоторым, между прочим, это нравится, за деликатес идет.

Он включил фонарик и осмотрел «поле боя». Скривился, озадаченно почесал затылок, сквозь зубы выматерился и торопливо выбежал из аудитории.

Минуты через три он вернулся, притащив ведро с водой и половую тряпку. Сначала этой грязной тряпкой он протер тело Марфы, смывая кровь и все остальное, затем, перенеся девушку на другую скамью, старательно вымыл пол и «ложе любви». Еще раз осветил результат своих стараний, удовлетворенно кивнул и вышел, унеся инвентарь уборщицы.

Затем он одел Марфу, взвалил ее на плечо, словно мешок с картошкой, – Марфа не удержалась и вскрикнула от боли в животе, – и вышел из аудитории. Запер ее и, насвистывая что-то веселенькое, потопал вместе со своей ношей вниз.

Принес девушку в вахтерку, небрежно сбросил ее на возмущенно взвизгивающую раскладушку и, взглянув на наручные часы, охнул:

– Черт, уже почти семь! Мне к восьми на занятия, а еще домой заехать надо, переодеться, душ принять.

Он подошел к раскладушке, присел на корточки, по-хозяйски провел ладонью по груди Марфы и, приблизив свое лицо к ее глазам почти вплотную, так, что его прозрачно-серые глаза заполнили собою все пространство, вкрадчиво произнес:

– А теперь слушай меня внимательно, кобылка! Где-то через полчаса ты сможешь говорить и двигаться. Так вот: не вздумай говорить лишнее и двигаться в неправильном направлении. Под неправильным направлением я имею в виду отделение милиции, травмпункт, больницу, поликлинику. Насчет Любки – как хочешь, можешь и поделиться с ней впечатлениями. Но учти – я скажу, что ты сама на меня повесилась, зазвала на ночное дежурство и с энтузиазмом кувыркалась всю ночь. И будь уверена – Любка поверит мне, а не тебе. Если все же тебе в голову придет дурная мысль разболтать или написать заявление в милицию, – так, для справки: мой отец – полковник МВД. Думаю, тебе, даже с твоей дремучестью, должно быть понятно – шансов у тебя против меня нет. Ни одного! А вот неприятности я смогу тебе устроить. И с работы вылетишь, и из общаги попрут. Так что помалкивай, поняла?

Жесткие пальцы больно сжали грудь девушки, затем Сергей выпрямился и ухмыльнулся, глядя на нее сверху вниз:

– Да, кстати. Не думай, что видишь меня в последний раз. Я тебя еще навещу! Здесь же. Ты мне понравилась. Но не бойся – не сразу, подлечись пока.

И, еще раз взглянув на часы, Кольцов исчез в темноте холла. Скорее всего, в здание он проник через какое-нибудь окно на первом этаже. Мог и накануне днем подготовиться, зайдя в корпус и оставив окно, допустим в мужском туалете, незапертым на шпингалет.

Но Марфе сейчас было все равно. Голова ее болела все сильнее и сильнее, стальной обруч стягивал виски все туже. Казалось, что еще чуть-чуть, еще немного – и голова лопнет, взорвется, разлетится на тысячу осколков. Девушка не могла ни думать, ни вспоминать, ни плакать.

Но голова не взорвалась. Просто вдруг стало темно. Темно и тихо. И спокойно. Девушка нежилась в бархатной темноте, радуясь покою. И тому, что все случившееся, скорее всего, было сном. Ночным кошмаром, не более того.

Потому что по-другому быть не должно. Ну как это так – чтобы обычный парень, пятикурсник технического вуза, оказался вдруг таким чудовищем? Ну нахалом, ну придурком, ну приставалой, но не больше!

В эти бархат и негу внезапно ворвался визгливый голос сменщицы:

– Ничего себе! На часах уже половина восьмого, а она дрыхнет! Ты что, напилась, что ли? Да нет, вроде на столе только чай этот твой вонючий... А ну, вставай!

И в следующее мгновение тело ее пронзила острая боль – это Лариса Петровна рассерженно потрясла девушку за плечо.

Марфа вскрикнула, оттолкнула руку бабульки и села на раскладушке, протирая тыльной стороной ладони глаза.

– Ты чего дерешься? – возмутилась Лариса Петровна.

– Извините, – хрипло выдавила Марфа, с ужасом прислушиваясь к своим ощущениям – боль, глумливо похихикивая, напозвала отовсюду.

Значит, ей не приснилось...

– Чего извините, чего извините! – скандально поджала губы сменщица. – Мало того, что дрыхнет на работе, небось и обходы не делала, так еще и ключи, вон, на полу валяются! Совсем распустилась, бессовестная! А ну-ка, ну-ка...

Бабулька нацепила очки и внимательно присмотрелась к Марфе. Затем понимающе поджала губы и брезгливо процедила:

– Все с тобой ясно! А еще скромницей прикидывалась! Вместо того чтобы дежурить как положено, она хахалей сюда водит, шалава!

– Каких хахалей, Лариса Петровна, как вам не стыдно такое говорить! – сипло выдавила Марфа и мучительно закашлялась, с трудом удерживая очередной рвотный спазм.

– Мне стыдно?! – подбоченилась Лариса Петровна. – Это мне должно быть стыдно?! Можно подумать, это я валяюсь тут с распухшими губищами! И вон какие-то пятна подозрительные, на засосы похожие, из ворота блузки выглядывают! У-у-у, проститутка! Сегодня же докладную на тебя напишу!

– Да пишите что хотите! – поморщилась Марфа, с трудом поднимаясь – все тело буквально верещало от боли. – Только не забудьте упомянуть, что сами по ночам спите, обходов никогда не делаете и вахтерка у вас вечно нараспашку. Думаю, если опросят студентов, мои слова подтвердятся. А вот насчет ваших – сомневаюсь. Так что пишите, пишите. Вот прямо сейчас и можете приступать!

Сменщица злобно прошипела что-то невразумительное и, отвернувшись, монументально плюхнулась на стул.

А Марфа осторожно, стараясь не делать резких движений, собрала в стопку постельные принадлежности, убрала их в шкафчик, сложила раскладушку, поставила ее на место и, кое-как засунув в сумку термос и грязные судочки, в которых была «ссобойка», молча вышла из вахтерки, забыв расписаться в журнале о передаче смены.

Ей сейчас действительно было все равно – напишет Лариса Петровна на нее кляузу или не напишет. Она больше не собиралась возвращаться на это место, еще вчера казавшееся ей подарком судьбы.

Потому что сюда собирался вернуться он.

Чудовище по имени Сергей Кольцов.

Глава 9

Может, и стоило все-таки обратиться в милицию, написать заявление, предоставить в качестве доказательства остатки чая в термосе, пройти медицинскую экспертизу...

И плевать на его папашу – полковника МВД, вырастившего такого редкостного подонка! В конце концов, должен же быть закон в этой стране!

Но для всего этого нужны были силы. Хоть немного. Хоть капельку. И не только физические – душевные.

А ничего этого у Марфы Лобовой не осталось. Совсем.

Девушка с трудом добралась до общежития и рухнула на койку. Соседки по комнате уже не было – Катя училась в первую смену.

В груди ее набухал, разрастался черный удушливый ком. Он перекрывал дыхание, оставивал сердце, туманил разум. Наверное, если бы Марфе удалось заплакать, этот нарыв лопнул бы. И ей стало бы легче.

Но заплакать она не могла. Не было слез. Нервы ее стянуло в тугой узел, девушку затрясло так, что заскрипели пружины панцирной сетки на ее кровати.

А потом вдруг накатило ощущение собственной нечистоты. Марфу снова затошнило, только теперь от себя самой – словно она вся покрылась липкой вонючей пленкой слизи.

Девушка с трудом поднялась, вытащила из-под кровати чемодан, в котором хранила чистые вещи, взяла смену белья, халат, сняла со спинки кровати полотенце, все это сложила в пластиковый пакет, туда же – мыло и мочалку, и поволоклась в душевую комнату.

Больше всего Марфе сейчас хотелось, чтобы там никого не было – иначе ее покрытое синяками и ссадинами тело обязательно привлекло бы чье-то внимание. Душ, как и туалет, был один на этаж, так что почти всегда там кто-то мылся.

Ей повезло. Хотя бы в этом. Душевая была свободна – первая смена студентов уже на занятиях, вторая еще спит.

Марфа вновь и вновь яростно надраивала кожу жесткой мочалкой, пытаясь смыть ощущение липкой грязи. От трения закровоточили подсохшие было ссадины, но добиться желаемого не получалось – собственное тело по-прежнему казалось девушке отвратительным.

Правы, тысячу раз правы были ее родные! И все односельчане! Это – чужой мир! И никакие теплые туалеты, книги, учеба ей не нужны, когда рядом живут такие чудовища, как этот Сергей!

У них в деревне мужикам и парням даже в голову не пришло бы насиловать девку или бабу! Потому что за это немедленно следовала расплата – виновника прилюдно пороли до потери сознания. А потом выгоняли из деревни. И родные отрекались от него.

А здесь...

Здесь не просто насиловали, здесь издевались. Зная, что никакого наказания не последует...

Марфе вдруг неудержимо захотелось домой. Уткнуться в теплые колени мамы, вернуть то чувство защищенности, которое излучал отец. Услышать звонкие голоса младших братьев и сестренки. Вместе с остальными девками собираться по вечерам, вышивать, болтать и петь песни.

И даже Агафон, за которого ее хотели выдать замуж, уже не казался девушке старым и противным. Потому что теперь она знала, что это такое, когда противно. Гадко. Унизительно. Больно...

Но... Кто ее теперь замуж возьмет, порченную?

Так что дороги назад не было.

Но и оставаться здесь тоже нельзя.

«Матушка, батюшка, что же я наделала! Господи, помоги мне!»

И наконец пришли слезы.

Набухавший внутри нарыв лопнул.

А слезы, смешиваясь со струями воды, вымывали из ее души отчаяние, страх, безысходность. И липкая пленка невидимой грязи тоже стекла вместе с водой в люк в полу.

Теперь Марфа могла дышать. И думать. Думать, как жить дальше.

И первое, что она сделала, – выкинула вещи, в которых была в эту проклятую ночь. Термос и судочки тоже отправились в мусорный бак, хотя это было глупо – посуда тут совершенно ни при чем.

Но Марфе хотелось избавиться от малейшего напоминания о случившемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.